

Хонорик

Владимир Сотников

Хонорик выходит на дело

«ЭКСМО»

2002

Сотников В. М.

Хонорик выходит на дело / В. М. Сотников — «Эксмо»,
2002 — (Хонорик)

ISBN 5-699-17495-8

Странные дела творятся в квартире соседки Макара Веселова! Суровый старик, изображенный на картине, ночами покидает свое «жилище» и ходит по комнатам... В одиночку Макар вряд ли разгадал бы загадку привидения из портрета, но он берется за дело вместе со своей старшей сестрой Соней, братом Ладошкой и домашним любимцем – хонориком по имени Нюк. Вот уж кто незаменимый помощник детектива! Именно Нюк смог первым прорваться в таинственную квартиру. И расследование началось!..

ISBN 5-699-17495-8

© Сотников В. М., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сотников Владимир Михайлович

Хонорик выходит на дело

Глава I

СТРАННАЯ НАХОДКА

Когда человек впервые в своей жизни сталкивается с несправедливостью? Когда ему дают соску-пустышку? Но с такой несправедливостью даже ребенку бороться легко: выплюнул пустышку, и все. А вот когда человеку дают имя, даже не подумав, понравится ли оно ему в будущем, это уже серьезная несправедливость. Имя как соску не выплюнешь. И не поменяешь.

Макару не впервые приходили в голову эти мысли. Наверное, в сотый или даже в тысячный раз. И хоть он за одиннадцать лет жизни привык к своему имени, случались ситуации, когда хотелось в очередной раз поспорить с родителями. Но что толку? Опять они расскажут сказку про белого бычка, то есть повторят все свои надоевшие объяснения. Расскажут о том, как им, молодым ученым-этнографам, изучающим народную жизнь в поездках по всяким старинным деревням, понравилось имя Макар... О том, что имя это древнегреческое и означает «счастливый»... Что оно красивое, наконец, и необычное, запоминающееся.

Конечно, необычное – с этим Макар не спорил: ни разу еще он не встретил своего тезку. Но ведь он не в Древней Греции живет, чтобы всем становилось понятно значение его имени! Тоже, счастливчик нашелся... Пока он большого счастья от своего имени не видел – наоборот, одни неудобства.

Вот и сегодня: в честь скорого окончания учебного года у них в классе был открытый урок, и все чужие учителя зашушукались и заулыбались, когда Макара вызвали отвечать. Конечно, как им не заулыбаться! Ведь вдобавок к «красивому» имени родители наградили Макара еще и чересчур запоминающейся внешностью: все лицо у него, от лба до подбородка и от уха до уха, было в веснушках... Впрочем, почему только от уха до уха? Сами уши тоже пестрели от веснушек.

Вредный Витька Долгопулов не удержался, продемонстрировал знание пословиц и шепнул надоевшую шутку:

– Сейчас Макар покажет, куда он телят гонял...

А Лешка, надежный друг Лешка, хоть и показал Витьке кулак, тоже шепнул, и довольно громко:

– Давай, Макарон, тяни время!

Вообще-то Макар уже был, кроме Макарона, и Вермишеля, и Лапшой – ребята любили выдумывать клички. Но вот когда сразу, подряд, вспомнили и пословицу про телят, и Макарона, а к тому же еще солидные взрослые люди не удержались от улыбок, – Макар растерялся и еле пролепетал свой ответ, как какой-нибудь испуганный первоклашка.

Выяснять отношения с одноклассниками было бесполезно. Макар знал по опыту: если начнешь обижаться на клички, то они только сильнее пристанут. На обиженных, как известно, воду возят. Чувствуя его равнодушие к кличкам, одноклассники чаще всего называли его Маком. И к тому же не один ведь Макар такой несчастливый, несмотря на древнегреческое значение своего имени. У него хоть фамилия нормальная – Веселов. Долгопулову в этом смысле не повезло больше... Вот уж чью фамилию ребята склоняли на все лады!

Но настроение после открытого урока было испорчено.

«Быстрее бы стать взрослым, – думал Макар. – Начнут все звать по имени-отчеству, и все будет нормально. И веснушки, конечно, исчезнут...»

Макар Петрович – это уже солидно. Никому и в голову не придет пословица про телят.

Когда было плохое настроение, Макар больше всего любил рассматривать большой плакат, который он повесил дома над своим столом. Это была фотография Москвы с птичьего полета. Сразу вспоминалась смешная страшилка: «В большом темном городе есть темная улица, на темной улице стоит большой темный дом, в большом темном доме есть темная-темная лестница...»

Хоть на фотографии все дома были обычными и светлыми, почему-то всегда вспоминались именно эти слова.

Макар любил не спеша разыскивать свою улицу – Малую Бронную, пруд рядом с домом и сам дом. И словно летал над городом – не зря же называют такой вид «с высоты птичьего полета».

Но домой еще дойти надо! Макар брел по улице не спеша, и его взгляд наткнулся на всякую ерунду: то на собственное отражение в витрине магазина, то на раздавленную жвачку, то на пробку от бутылки. Как будто вся его жизнь сейчас состояла из таких мелочей. Вот сверкнула какая-то монетка... Стоп! Необычно сверкнула.

Макар вернулся и стал разыскивать монетку. Да куда же она подевалась? Он ведь только что видел ее вот на этом месте – даже запомнил, что монетка лежала на самой границе света: солнечный луч, вырвавшись в просвет между домами, высвечивал тротуар, потому монетка и сверкнула.

Макар кружил на этом самом месте, но монетка словно испарилась. Вдруг ему показалось, что раздался такой звук, будто монетка упала, коротко звякнула, а потом длинно зазвенела, подпрыгивая. Макар оглянулся, никого поблизости не увидел, махнул рукой и продолжил свой путь.

Но только он завернул за угол дома, как сразу увидел монетку: она лежала прямо перед ним. Она даже точно так же сверкнула – словно шевельнулась. Но ведь минуту назад он еще не зашел за этот угол! Как могла оказаться здесь монетка, которую он видел совсем в другом месте?

Макару даже показалось, что монетка попыталась увернуться, когда он нагнулся, чтобы ее взять. И он схватил ее так быстро, будто ловил что-то живое, ускользающее.

«Надо же, – подумал он. – Глюки какие-то!»

Монетка оказалась самой обыкновенной. Правда, старинной.

«Медная российская копейка. 1913 год», – было написано на ней по кругу. Вот только странно: почему она такая теплая? Макару пришлось перебросить ее с ладони на ладонь, и от неожиданности он даже испугался. Он потрогал асфальт, на котором только что лежала монетка, – ничего, обычный, холодный. Странно!

Макар подбросил монетку. Она упала на асфальт, как будто обрадовалась – так ясно зазвенела. Лежала она «орлом» вверх. Макар поднял ее – на этот раз она оказалась похолоднее. Совсем обычная. Он еще раз бросил – от нечего делать. К тому же захотел выбрать, по какой дороге идти домой: через Патриаршие пруды или дворами. Дворами ближе, через пруды – интересней.

Макар увидел, что опять выпал «орел», и удовлетворенно хмыкнул. На самом деле он и без всякого жребия собирался идти через пруды: там всегда можно было выкрошить остатки школьной булочки голубям и уткам, просто так посмотреть на воду, на воздух над водой – он всегда был такой дымчато-густой...

«Проверю-ка еще», – почему-то решил Макар и снова подбросил монетку.

Опять «орел»! Уже стало интересно...

Ни разу, ни единого разу не выпала «решка»! А бросал Макар, наверное, раз двадцать-тридцать. Пока шел к прудам – бросал и бросал, как ненормальный. Один раз чуть под машину не попал, потому что монетка выкатилась прямо на проезжую часть. А другой раз даже попытался схитрить: не подбросил копейку вверх, а отпустил ее отвесно вниз – конечно, стараясь, чтобы выпала «решка». Ничего не вышло! Копейка изловчилась повернуться так, как ей хотелось. «Орлом» вверх.

Сердце Макара от волнения застучало так, что он его почувствовал, даже не прижимая руку к груди. Он всегда волновался, когда встречал в жизни всякие необычности. Например, зонтик на даче закрывался перед вспышкой молнии. Не после молнии или тем более после грома, что было бы вполне объяснимо, а опережая их! Сорвется пружинка, опадет зонтик, а через мгновение – ка-ак сверкнет! Странно, конечно. Никто этого секрета разгадать не мог!

Или вот взять их автомобиль. Как только папа, сидя за рулем, принимался говорить о других машинах – о том, какие из них ему нравятся больше, – их пожилой «Фольксваген» начинал дергаться. Сразу происходили в нем какие-то неполадки! И Макар тут же прикладывал палец к губам, беззвучно показывая папе: замолчи, пожалуйста. Через минуту молчания мотор начинал работать ровно, а они с папой не могли удержаться от громкого хохота. Но на хохот машина реагировала спокойно.

Вот и сейчас Макар почувствовал, что встретил не вполне объяснимое явление. Или даже можно смело сказать: таинственное. И таинственность эта только усиливалась... Вот, например, Макар пошутил: положил монетку «решкой» вверх, погрозил пальцем:

– Вот так надо лежать! Поняла?

А когда он взял ее, рука его дернулась от неожиданности: опять он почувствовал, что копейка теплая!

Тут уж пришлось присесть на скамейку – от волнения. Макар сжал монетку в кулаке, глядя на пруд и забыв про всяких голубей и уток. Не до них было...

Как много странностей в жизни! И неужели все они объяснимы, просто человек не в силах разгадать все тайны сразу? Соня, старшая сестра Макара, так и говорит: «Все тайны – от невежества». То есть от глупости. А вот когда человек пошевелит мозгами – если они есть, конечно, – то никакой тайны не будет: она превратится в объяснимую вещь. Скучно жить, если Соня права... Тайна всегда интересней!

Макар вскочил со скамейки. Чего же он здесь расселся? Вот сейчас он и заставит Соню засомневаться в своих жизненных принципах. Пусть попробует объяснить его фокус с этой старой копейкой!

«Сейчас, сейчас мы тебе продемонстрируем фокусик», – бормотал Макар на ходу, не замечая, что уже «подружился» с копейкой, даже не пытаясь разгадать ее секрет.

Соня была старше Макара на два года, а когда девочке тринадцать лет, то она кажется совсем взрослой – во всяком случае, самой себе. Поэтому Соня говорит таким тоном, будто знает все на свете. Даже мама с папой выглядят на ее фоне сомневающимися.

Макар так спешил, что не обратил внимания на вылезших на берег уток, которые, греясь на майском солнышке, поворачивали за ним головы – ждали привычного угощения.

Дом, в котором жил Макар, стоял недалеко от пруда. Старинное серое здание было словно втиснуто посреди таких же массивных соседей, и казалось, что дому действительно тесно. Над дверью единственного подъезда выступала коробка лифта, но Макар почти никогда не пользовался лифтом. Пока откроешь старую тугую дверь, потом еще две створки, а потом закроешь... Быстрее просто бегом взлететь на третий этаж. К тому же лифт очень часто был неисправен.

Лестничные пролеты были просторными – даже странным казалось, что дом извне выглядит таким маленьким. Внутри он, как волшебный сундучок, расширял свои границы. Папа как-то рассказывал о пространственном секрете многих старинных московских зданий

– этот секрет и использовали архитекторы. Макар, правда, ничего не понял из папиных объяснений, только самое главное: извне здания кажутся небольшими, а внутри на самом деле просторные. Взять хотя бы Московскую консерваторию: когда смотришь на нее с улицы, с трудом можно представить внутри два огромных зала, бесконечные фойе и широкие лестницы...

Но сейчас Макар вспомнил об этом лишь на мгновение – только по привычке: он всегда так быстренько думал, поднимаясь по своей лестнице.

Перед последним поворотом, за несколько ступенек до их лестничной площадки, в стене была довольно глубокая ниша. Вот она-то уж точно была здесь лишней! И зачем ее спроектировал неизвестный старинный архитектор? Наверное, что-то не сошлось в его расчетах и пришлось оставить пустое, никому не нужное пространство. В детстве Макар использовал эту нишу, чтобы прятаться от Сони. Он таким образом вредничал, когда ссорился с сестрой: спрячется по дороге на прогулку или обратно, вот Соня и бегает по лестнице, ищет его. А сейчас и Ладоска, их семилетний брат, стал повторять его вредные шутки. Но Макара провести было трудно: ему помогал собственный опыт, поэтому он сразу обнаруживал Ладоску в нише.

Вообще-то Ладоску звали Володей, но, когда ему был год, он называл себя «Ладодя», поэтому родители стали называть его Ладоской. Так и закрепилось за ним это смешное имя, и про настоящее в семье даже не вспоминали.

В этом году Ладоска пошел в первый класс, и учительница жалуется, что Володя Веселов не отзывается на свое имя. Чем это закончится, неизвестно. Учительница не соглашается называть его по-домашнему.

Ладоска у них вообще был самый... Не то чтобы вредный – скорее независимый. Он, например, ни за что не соглашался отстричь свои длинные волосы. Родители, да и сам Макар, даже удивлялись: ведь обычно мальчишки сердятся, если им говорят, что они похожи на девочек, а Ладоске хоть бы что – не хочет стричься, и все тут.

– Он таким образом стремится подчеркнуть свою индивидуальность, – объясняла Соня.

Но Макар только рукой махал. Да Ладоска и слова такого не знает – индивидуальность! Просто он любит все делать по-своему, что уж тут поделаешь.

Макар подбросил монетку, чтобы поймать ее рукой и посмотреть, на какой бочок она на этот раз приземлится, то есть приладонится. Но монетка не поймалась – ударилась о ступеньку, кувыркнулась и покатилась. Макар рванул за ней, чтобы не дать ей свалиться в лестничный пролет, но монетка быстренько скакнула по ступенькам и закатилась как раз в нишу. Там ей деваться было некуда.

Макар увидел ее в самом уголке. Он нагнулся, успев заметить, что и на этот раз выпал «орел», и... услышал голос:

– Ты что это себе позволяешь?

Старческий такой, скрипучий голос. У Макара мороз прошел по коже. Он быстро огляделся – никого не было на лестнице. А голос... голос раздавался как раз из ниши! Макар уставился на монетку, не решаясь прикоснуться к ней рукой.

– Я тебя спрашиваю! Ты почему старость мою не уважаешь? – отчетливо проскрипел тот же голос.

– Я... – пробормотал растерянный Макар. – Ув-важаю...

Он почувствовал, что мороз еще сильнее сковал его тело и волосы на голове зашевелились.

– Бросил меня, оставил, – продолжал жаловаться голос. – А я совсем одна. Никому не нужна...

– Я больше не буду, – испуганно пролепетал Макар. – Не буду оставлять. И бросать не буду... так сильно.

Монетка лежала неподвижно. Раздались какие-то шаркающие звуки.

«А может, это меня кто-то разыгрывает?» – подумал Макар.

Он осторожно вышел из ниши, взглянул вверх и вниз вдоль лестницы. Никого... Да и не мог он перепутать – голос доносился прямо из ниши! Неужели Макар совсем не умеет определять, откуда доносится звук? Значит... голос принадлежит монетке?!

«Бред какой-то, – подумал Макар. – Что я, в сказку попал?»

Он знал, что в жизни бывают самые невероятные явления, которые невозможно объяснить, не зря же он так часто спорил на эту тему с Соней. И зонтик, и их «Фольксваген» – лучшее тому подтверждение. Но одно дело явления – в конце концов, их непонятность можно если не объяснить, то как-то оправдать, хотя бы простым совпадением: случайно закрылся зонтик – и молния сверкнула, поговорил папа о других машинах – и «Фольксваген» забарахлил. Даже если эти совпадения повторяются несколько раз подряд, это как-то... нормально, что ли. А вот говорящая монетка – это чересчур.

Макар потрогал свой лоб. Может, он заболел? Бывают же у больных людей галлюцинации. Но и лоб был обычным, и не чувствовал себя Макар заболевшим. Офнаревшим – это точно. Более подходящее слово.

Он заглянул в нишу: монетка спокойненько лежала на своем месте. Макар не решался к ней приблизиться.

– Что стоишь, как истукан? – проскрипел знакомый голос. – Денег никогда не видел? Бери и уходи. Только помни – одна я, старушка, остаюсь...

Ошеломленный Макар послушно протянул руку.

«Почему старушка? Почему одна?» – пронеслись в голове мысли.

Но ведь копейка-то и вправду старая!

Он поднял монетку, осторожно зажал ее в кулаке. Показывать ли ее Соне? А вдруг монетка заговорит при ней? Какую первую помощь надо оказывать при обмороках?

Глава II

КАЙ, ГЕРДА И МАЛЕНЬКИЙ РАЗБОЙНИК

Но никакого обморока не случилось. Наоборот, Макар лишний раз убедился в том, что Соню трудно чем-нибудь удивить.

– Монетка? – переспросила она, рассматривая копейку. – Ну и что? Нашел? Вот, кстати, и начни с нее свою коллекцию. Ты же хотел придумать себе какое-нибудь хобби. Человек в твоём возрасте должен увлекаться чем-нибудь. Начни собирать коллекцию старинных монет.

– Ты думаешь, они на каждом шагу под ногами валяются? – удивился Макар. – Тебе хорошо говорить, ты себе придумала самое легкое хобби – чтение. Чтобы заодно с увлечением и умнее становиться. А такая монетка одна.

– Одна, одна, – рассмеялась Соня. – Другие ты купишь у коллекционеров на Арбате. Правда, они дорогие, так что не думай, что твоя коллекция будет быстро расти. И не говори больше таких глупостей – чтение вовсе не хобби, а самое обычное занятие для всякого культурного человека, каким ты меня, надеюсь, и считаешь.

– Надейся, надейся, – недовольно проворчал Макар.

Не очень он любил нравоучительный тон сестры! Но если честно, другим тоном она с ним и не разговаривала. Сколько он себя помнит – лет, наверное, с трех. И тогда уже пятилетняя Соня считала себя умницей, и родители очень ей в этом помогали.

«Соня совсем взрослая! Соня умница! У Сони светлая головка!» – эти их восклицания и сделали Соню задавакой. Во всяком случае, по отношению к Макару: всегда она норовила его чему-нибудь поучить. Как будто он сам – полный... Кстати, а почему дураков называют полными? Спросить бы у Сони, да сейчас связываться неохота! Целую лекцию прочтет, а времени нет слушать.

Вообще-то Макар подозревал, что Соня стала умницей и еще по одной причине. Дело в том, что у нее была очень необычная внешность. И не такая необычная, как у Макара с его веснушками, а... Что и говорить, Соня была настоящая красавица! А как еще назвать девочку, у которой волосы серебряного цвета, а глаза – зеленого? Когда какие-нибудь незнакомые взрослые видели Соню, то сразу начинали ахать: «Ах, какая девочка, ах, русалочка, ах, глаза, ах, волосы!»

Наверное, самой Соне до смерти надоело слышать эти глупые слова. А еще больше надоело слышать другие: «С такой внешностью о будущем можно не беспокоиться – готовая фотомодель...»

Вот она и стала читать книги в таких количествах, что даже мама с папой удивлялись. Мама считала, что Соня, пожалуй, немного перебарщивает: все девочки в ее возрасте обязательно думают о нарядах, о всяких юбочках и колечках, а она – ну ни капельки!

Однажды Макар слышал, как мама говорила папе:

– Как все-таки это несправедливо! Большинство людей считают, что в красивой женской головке нет места мозгам. А наша умная девочка вынуждена опровергать это глупое мнение... И какой ценой! Она отказалась проколоть уши, ты представляешь?

Проколоть уши Соня отказалась, когда родители подарили ей на день рождения серебряные сережки с прозрачными зелеными камешками. Камешки назывались некрасиво – хризопразы, но сами были очень красивые, особенно в серебряных, как Сонины волосы, сережках. Даже Макар пожалел, что мальчишки не носят ничего такого, а Соня – пожалуйста, не захотела прокалывать уши!

Но сейчас не время было об этом вспоминать. Макар на всякий случай зажал копейку в кулаке – хотя, если честно признаться, он уже не верил, что монетка при Соне может издать

какой-нибудь звук. Наверное, если бы и пискнула сейчас копейка, Соня спокойненько сказала бы: «Прекрати свои глупые шутки».

А может, там, в нише, Макару почудился этот голос? Но неужели голос может так явственно мерещиться?

– Знаешь, мне кажется... – начал он, но Соня его перебила:

– Уже давно пора за Ладойшкой идти! Сегодня твоя очередь.

Ладойшка оставался в продленке, и Макар с Соней по очереди ходили его забирать: первоклассник все-таки, маленький еще.

– Нет, твоя! – уверенно сказал Макар. – Я вчера ходил.

– А мы менялись, – вспомнила Соня. – Я за тебя однажды лишний раз забирала. Так что сегодня тебе идти. К тому же у меня сегодня много уроков.

Они заспорили. Вообще-то Макар был уступчивым, тем более он знал по богатому своему опыту, что Соню трудно переспорить. Бессмысленно тратить на это время. Но сейчас уступать не хотелось: ведь он собирался посидеть в одиночестве под своим любимым плакатом, посмотреть на монетку... Прийти в себя, одним словом.

– А знаешь что? – хитро прищурившись, предложил он. – Пусть монетка и рассудит. Тебе идти – «орел», мне – «решка».

– Ладно, – согласилась Соня. – Раз ты так увлечен этой своей монеткой... Ты сейчас убедишься, что справедливость все равно восторжествует. И учти, что еще один день все равно остается за тобой.

Макар уверенно подбросил монетку, она мягко, даже не покотившись, упала на ковер. Брат с сестрой нагнулись, стукнувшись лбами...

– Ой! – вскрикнула Соня, потирая лоб. – «Орел». Везет тебе!

Макар даже не дотронулся до лба: не до того было. Уверенность в том, что монетка совершенно необычная, вернулась к нему.

– А я, – пробормотал он, – что тебе говорил? С нами спорить бесполезно!

Он не заметил, что опять объединил себя с монеткой в одно целое – «с нами». А как же иначе, если Макар был в ней уверен и монетка оправдала его ожидания? Так веришь только самому себе.

Но когда Соня ушла, почему-то стало не очень спокойно. Немножко страшновато. Конечно, в своей квартире Макар ничего не боялся, но ведь таинственность всегда пугает... Слишком уж живой и умной, совсем не по-копеечному, была монетка! Если даже Соню помогла так спокойненько переспорить...

Макар положил монетку на стол и посмотрел на плакат. Нашел привычным взглядом Малую Бронную, Патриаршие пруды, свой дом. Опять почему-то вспомнилась глупая страшилка: «В большом темном городе есть большой темный дом...» Если ее продолжать, то в конце может появиться и темная монетка. Тьфу! Прицепилась же эта страшилка... При чем здесь эти глупые слова? И монетка совсем не темная – так, потускневшая от времени. Вообще-то надо ее обновить – оттереть чем-нибудь, чтобы она засверкала, как новая.

Макар нашел бархатную тряпочку, которой мама вытирала пыль с музыкального центра, и начал тереть монетку. И сразу же на кухне почему-то громко, как труба, загудел кран. И еще какой-то громкий звук, будто наверху уронили что-то тяжелое, раздался в стенах.

Может, эти звуки и были совершенно самостоятельными, но Макару стало не очень-то по себе. Тревожно стало! Он перестал тереть монетку и прислушался. Тихо. Он подождал несколько минут и опять осторожно подвигал бархоткой. И тотчас ворона на старом тополе, который рос во дворе, каркнула так громко и отчетливо, что Макар пригнул голову, словно ворона сидела прямо над ним.

Он положил монетку, оставив ее в бархотке, на стол. Во рту стало сухо – все никак не удавалось сглотнуть. Макар подумал, даже мысленно заикаясь: «Ни-ничего с-себе!»

Как-то не очень хотелось сидеть на месте! Двигаясь почему-то медленно, как в кино при замедленной съемке, Макар вышел в прихожую, переобулся, натянул ветровку.

«Лучше сейчас на улицу выйти, – подумал он. – Неплохо бы проветриться».

Но, открыв дверь, он бегом вернулся в комнату, схватил со стола монетку и так же быстро выскочил из квартиры.

Внизу на лестнице раздавался знакомый топот. Так топотал только Ладоска – он всегда впечатывал подошвы в ступеньки, будто забивал ими невидимые гвозди. Наверное, именно так ему казалось – очень уж старательно, с прицелом, топал он ногами.

Макар шмыгнул в нишу – просто по привычке, даже не подумав, для чего он это делает. Не всегда ведь можно объяснить самые простые свои действия!

Соня с Ладоской приближались. Грохот шагов наполнил подъезд.

– Тише ты! – прикрикнула Соня. – Стены обрушатся.

– Не обрушатся! – весело ответил Ладоска. – Они крепкие.

Макар уже собирался скорчить страшную рожу и выглянуть из ниши, чтобы в шутку испугать Ладоску. Так он делал много-много раз, и Ладоска уже не боялся, а только добродушно хмыкал: мол, опять твои дурацкие приколы? Да, собирался Макар и скорчить рожу, и выглянуть... Но произошло это само собой, без всякого руководства своим лицом и телом! И не выглянул Макар, а вылетел из ниши пулей.

Потому что, как только он пошевелил в кармане пальцами, нащупав монетку, – прямо, как ему показалось, из-под его руки проскрипел голос:

– И кто это грохочет так? Конь вороной!

Тут Макар и вылетел навстречу замершим от неожиданности Соне и Ладоске. Наступила непривычная тишина.

– Что с тобой? – спросила изумленная Соня.

– Воробышка! – сказал Ладоска. – Испуганный воробышка.

– Сам ты воробышка, – машинально ответил Макар и оглянулся.

Он тяжело дышал, будто только что убегал от кого-то. Поманив пальцем Соню, Макар сделал несколько осторожных шагов к нише.

– Т-с-с, идите сюда, – шепнул он и на всякий случай взял Ладоску за руку.

Он даже хотел зажать ему рот, но удержался. Ладоска бы, наверное, этого не понял, стал бы упираться и еще завопил бы чего доброго.

Макар успел подумать, что они сейчас похожи на каких-нибудь сказочных героев, которые приближаются к таинственной пещере, чтобы заглянуть в нее. Например, на Кая и Герду – так, кстати, часто называли их в детстве – из-за Сониной красоты, наверное. А кем же был в таком случае Ладоска? Конечно, маленьким разбойником. Не разбойницей, как в сказке, а разбойником – очень уж подходила ему эта роль. Он был таким вертлявым, шустрым, непредсказуемым, в любую секунду мог сотворить что-нибудь неожиданное. Топнуть ногой, бросить боевой клич... И если ему не понравится, что его держат за руку, может сделать вид, что пытается укусь, – и вырвется, обязательно вырвется! Маленький разбойник, что и говорить.

Но сейчас «маленький разбойник» вел себя смирно. Он смотрел то на брата, то на сестру, ничего не понимая.

– Что ты хочешь показать? – так же ничего не понимала Соня.

– Т-с-с! – повторил Макар и, когда все заглянули в нишу, пальцами потер в кармане монетку.

– Наконец уgomонились! – со вздохом облегчения раздалось в нише. – А то топочут, топочут...

– Ой! – воскликнул Ладоска, пытаясь вырваться из цепкой руки Макара. – Кто это говорит?

Он повертел головой и вдруг топнул ногой, будто вызывая голос.

– Да будь вы неладны! – не заставил тот себя ждать. – Чистые скакуны!

Ладошка замер. Соня попятилась.

– Что это? – спросила она, но уже шепотом. – Ты нас разыгрываешь?

Разыгрываешь! Когда волосы на голове шевелятся от непонимания того, что происходит, – это не розыгрыш...

– Монетка, – тихо-тихо произнес Макар. – Понимаешь, как только я ее потру, так она и говорит.

И он потер монетку еще и еще раз, не вынимая из кармана. Он боялся, что, если вытащит ее, голос станет громче и тогда Ладошка испугается еще больше.

– Я так и знала, – совсем как мама, выдохнула Соня. – Конечно, это твои шуточки – ты, наверное, незаметно шепчешь!

– Душно! – раздалось в нише. – Надо проветрить.

В это время Соня смотрела на Макара и видела, что губы у него плотно сжаты. Не мог он ничего прошептать, не чревовещатель же он!

«Проветрить! – пронеслось в голове у Макара. – Ей душно в кармане!»

Руку из кармана он так и не вытащил, а вместо этого потянул Ладошку прочь от ниши. За ними, конечно, последовала и Соня. Через несколько секунд Макар, с трудом попадая ключом в замочную скважину, уже отпирал дверь своей квартиры.

Он подбежал к своему столу и почти бросил на него бархотку, из которой выскочила копейка.

– Фу-у! – облегченно выдохнул Макар. – Полежи здесь спокойненько, проветришься. И я заодно отдохну...

– Ты что, в самом деле думаешь, что эти слова произносила монетка? – недоуменно уставилась на него Соня.

– Говорящая монетка! Говорящая монетка! – завопил Ладошка и бросился к столу. – Дай поиграться!

Макар еле успел схватить «маленького разбойника» за шиворот.

– Стой! – прикрикнул он. – А то в мышку превратишься. И тебя Нюк съест.

Нюк – это забавный зверек хонорик, которого мама купила по объявлению в газете. Она давно мечтала иметь дома какое-нибудь необычное животное. Хонорик – смесь норки и хорька – оказался похожим на кошку, не считая смешной треугольной мордочки. И повадки у Нюка были тоже кошачьими. Правда, он больше, чем кошка, любил прятаться куда-нибудь, чаще всего под диван.

– А где он? – сразу забыл о копейке Ладошка. – Нюк! Нюк, Нюк, иди сюда! Кушать, кушать!

И он побежал на кухню, чтобы зашуршать пакетом с едой – хонорик всегда появлялся, услышав этот звук. А называли его так потому, что он сам произносил свое имя. Не мяукал, как кошка, а «нюкал». «Нюк-нюк, нюк-нюк», – посапывал он.

Ладошка занялся поисками Нюка, а Макар продолжал смотреть на монетку. Казалось, его уже больше ничего не интересовало.

– Я поняла! – сказала Соня. – Тебе так понравилась находка, что ты... немного не в себе. Знаешь, что мы сделаем? Положи ее куда-нибудь подальше в стол, а мы выйдем опять на лестничную площадку и послушаем. Ты убедишься, что монетка ни при чем.

Точно! И как Макар сам не додумался до этого? Всегда надо устраивать проверки всяким непонятностям – пробовать разные варианты и сравнивать их. Вот тайна и раскроется!

Все-таки он не удержался, подбросил на прощание монетку. Конечно, опять выпал «орел». Значит, надо сделать, как предлагает Соня, – так машинально загадал Макар. Но это был даже не жребий, а скорее согласие с сестрой.

Они выходили несколько раз. На лестнице было тихо, не считая хлопанья двери подъезда, когда входил кто-то из соседей. Как ни вслушивались ребята, никаких слов они не различили.

– Тайна осталась нераскрытой, – вздохнул Макар, когда они в очередной раз вышли и ничего не услышали. – Что я тебе говорил? Странная монетка. Без нее никаких слов не слышно. Значит...

– Ничего не значит! – перебила его Соня. – Простое совпадение. И хватит отнимать у меня время.

Но вдруг она схватила Макара за руку и дернула его за собой, увлекая в нишу. Палец она прижала к губам, приказывая затаиться. По лестнице кто-то поднимался – и не просто поднимался, а старался, чтобы шаги были бесшумными. Только легкий скрип, который различила Соня, выдавал человека. Зачем же он так крадется?

Ребята замерли, не решаясь выглянуть. Они видели только тень, скользнувшую по полу мимо них. Через какое-то время послышался легкий шорох ключа, вставляемого в отверстие замка.

– А, ч-черт! – раздался недовольный шепот. – Волосок-то на месте. Сразу не заметил...

Так же осторожно ключ вытащился из замка. Тень скользнула обратно, и быстрые шаги унесли незнакомца вниз по лестнице. Хлопнула дверь подъезда.

– Надо было выглянуть, – разочарованно протянул Макар, выскакивая из ниши. – Увидели бы, кто это был...

– Уви-идели! – передразнила его Соня. – И нас бы увидели. И что делать? Объяснять, что мы случайно подглядывали? Слушай, а монетка не этим ли голосом говорила?

– Конечно, не этим, – отмахнулся Макар. – Ты же сама слышала. Постой-постой, а про какой волосок он ворчал?

Макар внимательно посмотрел на две двери, выходящие на площадку. Одна дверь – от их квартиры. Конечно же, не ее пытался открыть незнакомец. Макар подошел к соседской двери и стал ее осматривать, как опытный сыщик. Вот бы еще лупу при себе иметь! Но и без лупы, если просматривать каждый сантиметр... Есть! Чуть выше своей головы Макар заметил две едва различимые выпуклые точки. Наверное, это были маленькие капельки пластилина. Одна находилась на двери, вторая рядом, но уже на стене. А между ними, перекрывая дверную щель, тянулся тоненький волосок.

– Смотри, – шепнул он сестре, – если дверь откроется, то и волосок окажется сорван. Поняла?

– Д-да, – кивнула Соня. – Поняла... Но зачем ему это надо? Для чего такой хитрый способ? Можно ведь просто позвонить...

– Вот ты и звони, если тебе хочется, – хмыкнул Макар. – У него такого желания не возникло.

– А почему? – Соня как будто ждала дальнейших объяснений.

– Не задавай глупых вопросов, – отмахнулся Макар. – По крайней мере таких, на которые ответить нельзя. Пока нельзя... И так мы много узнали! Человек хотел войти в квартиру в отсутствие хозяев – это раз. Ключ у него есть – это два. Волосок он прикрепил, чтобы узнать, открывалась ли дверь, – три. А в результате... все равно ничего не понятно, считай хоть до ста. Никакого ответа.

– А зачем он нам нужен, этот ответ? – спросила Соня. – Зачем мы лезем в чужие дела? Я хотела тебе доказать, что твоя монетка никакая не таинственная, а самая обыкновенная, и что получилось? Занялись какими-то глупостями...

– Ничего себе! – воскликнул Макар и, оглянувшись, сразу же перешел на шепот. – Под самым нашим носом, рядом с нашей квартирой, творятся такие дела, а ты называешь их глупостями?!

Соня молчала. А что сейчас можно сказать, кроме глупостей? В эту минуту ничего другого не мог бы придумать даже самый лучший сыщик всех времен и народов Шерлок Холмс.

Сзади скрипнула дверь – ребята в испуге шарахнулись в разные стороны. И сразу же раздался звонкий смех Ладошки:

– И Соня тоже воробышка! Что, привидение вас испугало?

Ладошка выглядывал из-за двери хитрым-прехитрым глазом. Почему-то этот глаз находился высоковато для его роста.

«Стоит на табуретке, – догадался Макар. – Чтобы в „глазок“ смотреть».

– Какое еще привидение? – спросил он. – Днем их не бывает.

– Жалко, – вздохнул Ладошка. – А я обрадовался, что это привидение.

– Обрадовался! – хмыкнул Макар. – Ты слова не перепутал? Наверное, хотел сказать: испугался?

– Ничего не испугался! – не согласился Ладошка. – Это вот Нюк испугался – забился опять под диван. Я потому и решил, что это привидение: хонорики их чувствуют.

– Стоп! – хлопнул себя по лбу ладонью Макар. – Значит, ты через «глазок» видел этого человека? И узнаешь, если увидишь еще раз?

– Конечно, узнаю, – отмахнулся Ладошка. – Только неинтересно это – людей узнавать. Лучше бы он все-таки был привидением...

– Будут тебе и привидения, – пообещал Макар. – Пока мы во всем не разберемся, здесь не только говорящие монетки и привидения, а еще и что-нибудь покруче появится.

«Вот маленький разбойник! – подумал он при этом про Ладошку. – Ничего не боится! Наверное, потому, что еще совсем глупенький...»

Но все-таки он немного завидовал глупому бесстрашию «маленького разбойника». Ничего не бояться – большое счастье!

Глава III НА ТЕМНОЙ-ТЕМНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Ребята установили дежурство у двери – конечно, изнутри своей квартиры. За очередностью следил Макар. Сначала он наблюдал за соседской дверью сам, а потом, когда уставали глаза, звал Соню. И странно – она соглашалась! Наверное, уж очень испугал ее визит странного незнакомца, который крался по лестнице и старался не шуметь, вставляя ключ в замок...

Ладошка тоже не остался в стороне – он был просто счастлив, что участвует в таком таинственном и ответственном деле, как подглядывание. Вот только Макар с Соней не сообразили вовремя поменять ненадежную табуретку...

Когда Соня в очередной раз попыталась заняться уроками, а Макар вытащил монетку и уставился на нее, надеясь опять сделать какое-нибудь открытие, в прихожей раздался грохот, сопровождающийся такими криками Ладошки, будто он свалился не с табуретки, а по крайней мере с вешалки.

Соня и Макар бросились в прихожую. Ладошка не спешил подниматься с пола – наверное, хотел, чтобы брат с сестрой убедились в его геройстве. Еще бы – получить ранение, находясь на боевом посту! Подняв Ладошку с пола и отвесив ему легкий подзатыльник, Макар прильнул к дверному «глазку» – и ничего не увидел... Круглый окулярчик был непроницаемо темным!

– Что такое? – оглянулся Макар. – Почему ничего не видно?

– А я откуда знаю? – огрызнулся Ладошка, потирая ушибленный бок. – Я хотел протереть «глазок», заштался и упал. Я думал, он запотел от моего дыхания.

Макар прислонился ухом к двери, потом тихонько приоткрыл ее. И сразу же услышал на лестнице частые шаги, а потом – стук двери подъезда.

– Ах ты!.. – еле сдержался, чтобы не чертыхнуться, Макар.

В такие минуты, когда тебя окружает столько таинственного, лучше не чертыхаться. Не хватает еще всяких чертей впутывать!

Макар взглянул на дверной «глазок» с внешней стороны. Он... был заклеен! Таким же пятнышком, каким был прикреплен волосок на соседской двери. Макар расчистил «глазок» и убедился, что это в самом деле пластилин. Пятнышки на соседней двери и сам волосок оставались по-прежнему нетронутыми.

– Он опять пришел! – воскликнул Макар, захлопывая дверь. – Прозевали! Ты чего нас сразу не позвал?

Ладошка обиженно засопел.

– Не успел, – проворчал он. – Было видно, потом не видно... Я стал протирать и упал.

– Значит, он заметил слежку, – задумчиво пробормотал Макар. – Потому и заклеил «глазок».

– Не обязательно, – не согласилась Соня. – Все преступники так делают. Когда хотят обворовать квартиру, всегда заклеивают «глазки» соседних квартир. Я это сто раз по телевизору видела. Надо срочно звонить или родителям, или сразу в милицию!

– И что мы скажем? Что он услышал шум и убежал? – усмехнулся Макар. – Подумают, что мы прикалываемся от нечего делать. Рано еще куда бы то ни было звонить – мы его спугнули... Ладошка спугнул. Я так и знал, что ему нельзя доверять такое важное дело!

– Всегда я у вас виноват, – продолжал ворчать Ладошка. – Сами боятся за привидениями следить, а потом еще ругаются!

– Что ты заладил – привидения, привидения! – воскликнула Соня. – Сто раз тебе повторяли, что не бывает их! Особенно днем.

– Вот и проговоришься! – засмеялся Ладошка. – Особенно днем! Значит, ночью они могут быть.

– Ничего себе, – удивился Макар, – какой вывод сделал! Улавливаешь смысл сказанного и... несказанного. Тебе не в первом классе надо учиться, а по крайней мере в пятом. Чтобы мы за тобой в школу не ходили... Но все равно: никаких привидений не бывает даже ночью, понял? Иди лучше играйся с Ньюком – не будем мы больше подглядывать. А ведь он прав, – сказал Макар, когда Ладошка в соседней комнате стал ползать возле дивана.

– Ты что? – удивилась Соня. – Тоже в привидения веришь?

– Нет, конечно, – усмехнулся Макар. – Я про ночь подумал. Ясно, что этот человек будет осторожничать, не зря же он наш «глазок» заклеил. Да еще шум за нашей дверью слышал... Вполне возможно, что придет он сюда только ночью.

– Ой! – невольно вырвалось у Сони. – Ты что же предлагаешь? Ночью караулить? Нет уж, давай лучше обо всем папе с мамой расскажем. Неприятно все это, особенно после того, как он наш «глазок» заклеил...

– Приятного мало, – согласился Макар. – Но родителям говорить не стоит. Представляешь, какой переполох мама устроит? К тому же меня в первую очередь даже не этот тип интересует, а тот голос... Хочется монетку до конца проверить, пусть даже и ночью. Хотя это и страшновато...

Макар не постеснялся признаться сестре в своем страхе. А что тут такого? Он только представил, как выйдет ночью на лестницу, как услышит голос... Б-р-р!

– Да ни при чем здесь твоя монетка, – заверила его Соня. – Ты что, маленький? Может, как раз этот незнакомец и пугал нас, чтобы мы не мешали ему! Вот что меня тревожит, а не твоя говорящая копейка. Ладно, я тебе помогу, – решительно сказала она. – Выйдем ночью вместе. И посмотрим: может быть, все-таки придется родителям рассказать, дело-то нешуточное... А сейчас оставь меня в покое и не мешай уроки делать.

Соня ушла к своему столу, заваленному книгами, а Макар все-таки повеселел. Хорошо, когда есть такая решительная сестра! Одному ночью выходить на лестницу страшно, что и говорить, а вот если Соня будет подстраховывать, стоя у открытой двери... Совсем другое дело.

Ладошка играл с Ньюком, Соня делала уроки, а вот Макар найти себе занятие не мог. Да какое еще может быть занятие, если столько вопросов скопилось сразу? И ни одного ответа...

Все-таки он не удержался: взял монетку, вышел осторожно на лестницу – конечно, перед этим долго выглядывая через «глазок». Пусто и тихо... И в нише было тихо, только раздавались какие-то шорохи – но это, наверное, бегал по квартире Ладошка, и поэтому разносился топот его ног. Как Макар ни тер монетку, как ни рассматривал на ладони, даже гипнотизировал ее – ни одного слова не расслышал.

Ничего нового не произошло и до вечера. Вернулись с работы родители, начались обычные вечерние дела, ужин... Казалось, жизнь стала прежней, привычной – но это только казалось.

Макар ждал ночи. Конечно, он не собирался караулить всю ночь до утра – спать же все-таки надо, – но вот выйти на лестничную площадку в самое таинственное время... Ожидание этого события волновало его особенной тревогой.

– Что это вы такие сегодня молчаливые? – несколько раз спрашивала мама.

Макар с Соней только переглядывались, пожимая плечами. Хорошо, что в это время Ладошки рядом не было: вполне мог бы проболтаться.

А вот сам Макар все же не удержался, показал папе монетку.

– Понимаешь, пап, она какая-то странная, – сказал он. – Как живая...

Папа улыбнулся, разглядывая копейку:

– Что ж, хорошо, что ты так относишься к старинным вещам. Конечно, живая. Достаточно представить, какую долгую жизнь она прожила... Вот придет как-нибудь в гости дядя Миша, покажешь ему. Он может о монетах рассказывать бесконечно.

Как у взрослых все просто! Каждый интересуется чем-то определенным, как будто самое главное в жизни – найти свое самое любимое занятие. Дядя Миша увлечен старинными монетами, а вот папа почти не заинтересовался копейкой, но после ужина, как всегда, засел в кабинете за словари и стал расшифровывать происхождение названий всяких рек, деревень и городов. Это было его любимое занятие, только считать его хобби было никак нельзя: ведь папа работал этнографом, значит, в свободное время занимался своим профессиональным делом.

А вот у Макара пока нет ни профессии, ни основного любимого занятия – точнее сказать, наоборот: его все интересует одинаково. Поэтому он и станет раскрывать все тайны подряд – и про монетку, и про таинственного незнакомца... Так даже интересней!

Сначала уснул Ладощка – вернее, Ладощка с Ньюком: хонорик, оставленный в покое Ладощкой, сразу же улегся на коврик. В квартире стало тихо. Папа был в кабинете, мама на кухне, Соня читала, сидя в кресле в гостиной. А Макар даже книгу не мог взять в руки! Только ходил и ходил по комнате, будто заведенный. От волнения, конечно.

Соня несколько раз взглянула поверх книги на Макара, потом усмехнулась:

– Боишься, да? В таком случае забудь обо всем – считай, что ничего особенного не произошло.

Макар даже встрепенулся от обиды:

– Если хочешь знать, совсем ничего не боятся только люди без нервов! Вот и читай свою книгу и байники укладывайся. Не понадобится мне твоя помощь! Сам справлюсь!

Макар махнул рукой и ушел в свою с Ладощкой комнату. Он прекрасно знал, что в таком состоянии поссориться – пара пустяков. Когда ожидаешь, нервничаешь и пусть даже немного боишься, любые неосторожные слова могут подействовать как оскорбление. Лучше уж с Сонькой не разговаривать... Захочет – подстрахует его сегодня ночью, не захочет – и не надо. Только бы выполнила свое обещание: не спешила пока рассказывать родителям эту странную историю.

Макар лег в кровать, все-таки взял книгу и стал просматривать страницы, почти не читая. Хорошо еще, что он не в засаде какой-нибудь! Лежать в постели и просто ждать, пока дома все уснут, все-таки удобнее, чем мокнуть где-нибудь под дождем или снегом или сидеть на дереве... Макар от нечего делать стал представлять самые разнообразные способы засады и слежки – и не удержался, улыбнулся: его нынешний способ не мог себе представить, наверное, ни один сыщик в мире. Засада в чистой постельке. Главное – не уснуть!

«Проспал!» – Этот голос так громко вскрикнул внутри Макара, что он подпрыгнул на кровати.

Он был абсолютно уверен, что его кто-то разбудил. Иначе кто же это прокричал?..

Часы показывали одну минуту первого. Стрелки на светящемся циферблате заметно начали разъединяться, и от этого таинственность первой перешедшей за полночь минуты нарастала – казалось, с этой минуты начинается совсем другое, неизвестное время.

Макар осмотрелся и прислушался. Кроме сопящего Ладощки, в комнате больше никого не было. Тихо было и во всей квартире. Значит, ему показалось – это во сне он услышал вскрик: «Проспал!»

Крепко ли спят родители? И вообще, уснули ли они? Обычно в будние дни спать они ложились рано. Макар осторожно поднялся, тихо оделся. В прихожей было темно. Сейчас самое главное – неслышно отворить входную дверь. Соню он решил не будить: сказал же

ей, что справится сам. Правда, от этой мысли неприятный холодок сразу же пробежал по всему телу, и Макар даже поежился.

Поначалу он долго смотрел в «глазок». На площадке за дверью было непривычно темно – еле угадывались контуры стен. Неужели перегорела лампочка на лестнице? В таком полумраке, конечно же, ничего и никого разглядеть не удастся, но ведь Макар и не собирался торчать под дверью бесконечно. Ниша – вот куда он должен пробраться. Не зря же он держит в кулаке монетку...

Не позавидуешь сыщикам, сидящим в засадах по ночам! Особенно если приходится при этом не таиться на одном месте, а еще и двигаться. Кажется, что не ты следишь, а за тобой наблюдают из темноты чьи-то глаза... Но отступать было поздно: завтра Макар не простил бы себе своей трусости. Или хотя бы нерешительности – трусом себя называть все-таки не очень приятно. Вперед!

Замок не звякнул, дверь не скрипнула. Теперь надо было заблокировать замок, чтобы он не захлопнулся... Прикрыв за собой дверь, Макар шмыгнул на лестничную площадку. Где-то внизу горел неяркий свет, а вот два ближайших пролета были совершенно не освещены – значит, действительно перегорела лампочка. Макар постоял, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Хорошо, что зрение у него было отличное – через минуту он различал даже выпуклости кнопок на дверных обивках. А волосок?

«Надо было приготовить фонарик!» – с опозданием подумал Макар.

Впрочем, он и без фонарика прекрасно помнил, на какой высоте был прикреплен волосок, и осторожно приблизил лицо прямо к соседской двери. Волосок... был отклеен! Едва различимый, он был вдавлен лишь в одно пятнышко пластилина. Сомнений в этом быть не могло – Макар даже прикоснулся к торчащему волоску пальцем. И тут ему показалось, что за дверью различился слабый шорох... Макар на цыпочках отпрянул от двери и тут же натолкнулся на кого-то! Вскрик замер внутри его, как тогда, во сне, не вырвавшись. Хорошо, что тихонько ойкнула Соня – конечно, это была она.

– Ой! – Она зажала рот ладонью и сердито шепнула: – Ты чего прыгаешь?

– Фу-у... – Макар перевел дух. – А ты чего подкрадываешься так тихо? Не могла предупредить?

– Позвать надо было, мы же договорились, здесь же страшно одному! – продолжала шептать Соня.

Но тут Макар приложил палец к губам:

– Т-с-с!

Он показал на соседскую дверь и потянул Соню за руку – но не к своей квартире, а к нише.

– Тихо! – совсем уж неслышно шепнул он. – Там волосок отклеен. И шорох какой-то...

Ребята замерли. Какая там монетка! Макар даже не пытался потерять ее – наоборот, еще сильнее сжал в кулаке. Чтобы и не пискнула. А вот Соня так и намеревалась шепнуть что-то еще, но только вздрагивала – Макар это чувствовал. А может, это он сам дрожал – мелко-мелко, как от озноба?

– Ты нашу дверь не захлопнула? – все же спросил он шепотом.

– Нет, только прикрыла, – ответила Соня.

Явственные шорохи раздались совсем рядом с ними, как будто это они сами передвигали ногами. Но ведь они стояли как статуи! Ребята окаменели еще больше... Сколько это продолжалось – минуту, две? Казалось, привычный ход времени исчез.

Вдруг пронесся легкий ветерок, как будто откуда-то вылетел сквозняк. В неподвижном воздухе любое колебание угадывается мгновенно – может, и правда, от сквозняка открылась дверь их квариры? Но Макар почему-то не решался даже выглянуть из ниши.

Легкие шорохи переместились и теперь уже не раздавались в нише, а доносились извне, с лестничной площадки... Никогда раньше не испытывал Макар такого онемения во всем теле! Каково же Соне? Ведь она все-таки девчонка, хоть и старше его...

Пересилив себя, Макар оглянулся на видимую из ниши часть лестницы. Сами ребята находились в кромешной темноте – глубина ниши была черна, как темная стена. А вот лестница...

По ней плыла тень! Явственная, четко очерченная человеческая тень. Как будто самого человека не было, а тень его вдруг поднялась во весь рост и поплыла над ступеньками! Но разве тень может ступать – пусть легкие, но все-таки шаги отдавались в полу...

Тень медленно-медленно вернулась к соседской двери, все же допустив короткое, почти неслышное щелканье замка, – и обернулась. Тут ребята вовсе остолбенели. И хорошо, что при этом у них полностью пропал дар речи, – иначе они точно вскрикнули бы или хотя бы ойкнули.

То, что должно было быть лицом, было у этого существа серым, как и вся его фигура. Угадывались только широкие поля шляпы, свисающие к плечам, да покачивались края какого-то пятна, напоминающего широкий плащ. Но вот руки! Вместо ладоней у тени было два бледных пятна, сквозь которые проступали суставы пальцев! Они поднялись к шляпе... И раздался вздох – как будто теньдохнула на свои мерцающие ладони. Пятна потерлись друг о друга с противным скользким звуком, потом проплыли к ступенькам, ведущим вниз, – и тень поплыла над ними.

Через минуту она исчезла внизу. Тихо закрылась входная дверь подъезда. Макар дотронулся непослушной рукой до лба и ощутил, какой он холодный и мокрый.

Не сговариваясь, ребята метнулись к спасительной двери своей квартиры. В этой бешеной спешке Макар все же успел закрыть дверь так, чтобы она не хлопнула громко.

Через несколько секунд он лежал под одеялом, чувствуя, как мелко стучат его зубы. Он слышал, что Соня тоже шмыгнула в свою комнату, – наверное, испугалась не меньше Макара. Ну и ладно! В эту минуту они все равно ничего не смогли бы сказать друг другу. В мозгу у Макара почему-то стучали слова: «Утро... Вечера... Мудренее...»

Хотелось бы в это верить, но казалось, мудренее и непонятнее этого вечера не может быть ничего.

Глава IV МОЛЧАЛИВАЯ КВАРТИРА

Макару снилась страшилка. Слова о темном городе, темном доме и темной-темной лестнице накатывались на него, как живые, и в этих черных волнах вдруг появлялись две светящиеся руки, которые тянулись к его горлу... Б-р-р! Он просыпался и опять засыпал – и сон повторялся. Но разве можно кошмар считать нормальным сном?

За завтраком они с Соней только переглядывались. Родители уже ушли на работу, поэтому ребята завтракали втроем. Но ведь и при Ладоске говорить о вчерашнем, конечно, было нельзя: он с удивлением поглядывал на старших и, поняв, что на него не очень-то обращают внимания, вместо оmlета поглощал одну за другой конфеты из вазочки.

Выйдя из квартиры, Макар внимательно посмотрел на соседскую дверь. Никакого волоска на ней вообще не было! Даже пятнышки от пластилина исчезли.

– Слушай, а может, нам и вправду все показалось? – спросил он у сестры по дороге в школу. – Никакого волоска на двери уже нет...

– И тебе, и мне показалось? – насмешливо переспросила Соня. – Так не бывает. Хоть это и привидение, но совсем не от слова «привиделось». Но... я ничего не понимаю!

Макар с удивлением посмотрел на сестру. Впервые в своей жизни она признается, что чего-то не понимает! И даже не пытается придумать никакой объяснялки. Значит, на самом деле свершилось что-то странное.

Макар вздохнул. Хорошо читать книги, в которых описываются невероятные события: можно верить, можно не верить. Но в книгах все события как-нибудь да объясняются, а вот когда в жизни происходит нечто подобное, то становится тревожно...

Все-таки они напрасно забыли про Ладоску! Конечно, он прислушивался к их разговору.

– Привидение? – спросил он, совсем не испугавшись, как будто речь шла о каком-нибудь примитивном ужастике, показанном по телевизору. – Значит, оно умеет проникать через стены. Жалко, что я спал... И Нюк спал? Неужели он ничего не почувствовал?

Макар не удержался и хмыкнул. Вот кого надо брать с собой на ночные вылазки – Ладоску и хонорика на поводке! Выследят привидение в два счета.

– Это мы про сны свои говорим, – отмахнулся он. – Не вмешивайся.

– Вот именно, не вмешивайся, – машинально повторила Соня.

Сестру Ладоска привык слушаться больше, чем брата.

Казалось, Макар сам себя успокаивал. Действительно, хорошо, если бы все это было сном! Осталась бы от вчерашнего дня только одна интересная странность – говорящая монетка. Но на фоне привидения эта странность померкла – тайна лестничной площадки заняла собою все мысли Макара. И с Соней творилось то же самое, это было видно по ее лицу, задумчивому и сосредоточенному.

Как ни странно, задумчивое Сонино лицо немного успокоило Макара. Потому что он понял: не придется ему в одиночку разгадывать эту тайну. Если Соня задумалась, а тем более сосредоточилась – ни за что не отступит, пока не разгадает загадку. Она даже самый трудный кроссворд никогда не оставляла неразгаданным – такой у нее был характер.

И, сидя на уроках, Макар чувствовал незримую поддержку: где-то в соседнем классе сидит Соня и думает, думает о том, что произошло на лестничной площадке... Интересно, до чего она додумается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.